

Н.Н. Носов

Чакская война по свидетельствам русских эмигрантов

Парагвай первой половины XX в. являлся одним из мест эмиграции из большевистской России. Хотя прослойка осевших там русских была сравнительно невелика, среди них встречалось немало людей удивительной и яркой судьбы, объединенных не только изгнанием, но и активной деятельностью на новом месте пребывания.

Сам Парагвай, ранее промышленно развитой, вступил в XX в. ослабленным и опустошенным Парагвайской войной 1864–1870 гг. Притязания Парагвая и Боливии на нейтральный район Гран-Чако, на территории которого в 1928 г. были обнаружены нефтяные залежи, привели с 1927 г. к т. н. Чакскому конфликту, вступившему к 1932 г. в острую фазу. В разгар Чакской войны «обе стороны в полной мере воспользовались наличием солидного числа военных специалистов из стран, потерпевших поражение в Мировой войне – Германии и России. <...> Парагвай сделал ставку на русских белогвардейцев-эмигрантов – они были неприхотливы, бездомны и бедны. Парагвай же готов был предложить им не только офицерские должности, но и гражданство» [1, с. 508]. Спустя 3 года кровопролитных военных действий территориальный спор был объявлен обоюдно решенным, а война окончена [2, с. 36]. Вследствие этого Чакская война оценивается современными историографами как малозначимая, что не отменяет ни парагвайской победы над превосходящими силами противника, ни исторического интереса к этой войне, усугубляющегося для отечественного историка непосредственным участием в ней русских эмигрантов.

Тема участия русских эмигрантов в Чакской войне на стороне Парагвая достаточно исследована для того, чтобы к ней возвращаться. По словам О.Е. Царькова, «в последнее время <...> достаточно широко освещается роль русских белогвардейцев в Чакской войне. Во многом это связано с публикацией ранее закрытых источников и мемуаров» [3, с. 150]. Однако эта тема все еще хранит в себе частные вопросы, одним из которых является вопрос о свидетельствах рассматриваемого исторического события, оставленных самими эмигрантами.

Из таковых в рамках настоящей работы привлечены воспоминания Ивана Тимофеевича Беяева (1875–1957) [4], Михаила Дмитриевича Каратеева (настоящая фамилия Карачевский-Каратеев; 1904–1978) [5], заметки Игоря Г. Киселевского и Георгия Митрофановича Киселевского (1881–1969) [6], свидетельство Владимира Конкордовича Абданк-Коссовского (1885 или 1866–1962) [7] и путевой очерк «В Парагвай и Аргентину» Константина Константиновича Парчевского (1891–1945) [8].

Генерал **Иван Тимофеевич Беяев** оставил воспоминания о Чакском конфликте в разделе «Парагвайский сфинкс» своих «Записок русского изгнанника», впервые опубликованных в 2010 г. [4]. Его военные воспоминания носят преимущественно стратегический характер и излагают последовательные эпизоды его личного участия в конфликте. С его слов, Парагвай был одной из

немногих стран, благоволивших и даже нуждавшихся в русских переселенцах. Приехав в страну приключенческих романов об индейцах из своего детства с миссией «образовать в Парагвае культурное русское ядро» [4], И.Т. Беляев от местных властей «получил ряд поручений на экспедицию по исследованию Чако, где должен был подготовить все в предвидении столкновения с Боливией» [4]. Он вспоминает: «Я совершил 11 экспедиций в Чако, пролагая его сообщениями во всех стратегических направлениях. Работа шла, несмотря на перемену правительства и в министерствах и опасения вызвать конфликт с обеспокоенным противником по намеченному плану. В боливийских газетах за мою голову предлагали значительные суммы» [4]. В результате проведенных экспедиций Чако был блестяще исследован, и Парагвай заручился полным господством на водных и железнодорожных путях сообщения: «Мне удалось зафиксировать полную картину вооружения противника, наших сил и сравнительное состояние военных коммуникаций. Соотношение сил <...> было 1:8, и <...> сопротивление было невозможно. Но, кроме этого, все преимущества были на нашей стороне: внутренние линии операции позволяли в 24 часа выбросить подкрепления на любую точку» [4].

С 1928 г. конфликт между Парагваем и Боливией начал набирать обороты. Парагвайское правительство предпринимало попытки оттянуть кульминацию, а боливийцы все глубже проникали в противостоящую страну. В декабре 1930 г. боливийцы пересекли индейские охраняемые посты перед железной дорогой на гарнизоны парагвайской армии, прикрывающие населенные пункты и стратегически необходимые выходы к р. Парагвай. «Там произошло первое столкновение, ознаменовавшее начало военных действий» [4]. Блестяще проявил себя на местах прибывший в качестве подкрепления ряд русских офицеров, из которых И.Т. Беляев в особенности выделяет Василия Федоровича Орефьева-Серебрякова, павшего в битве за форт Бокерон. Сам И.Т. Беляев, заразившись занесенной врагом малярией, при температуре, повышавшейся до 41°, пересекает верхом 160 км, достигает порта Касадо, где получает необходимую медицинскую помощь, и возвращается под Бокерон. Приняв участие в еще нескольких локальных операциях, И.Т. Беляев возвращается в Асунсьон, где получает место начальника штаба генерала П. Рохаса, а вместе с тем все разведанные о расположении парагвайских частей и противника, собиравшиеся в точные графические сводки для главного командования, влиявшие на решения дальнейших военно-тактических задач.

Михаил Дмитриевич Каратеев был историком, автором циклов исторических романов. Печататься начал со второй половины XX в., большую часть книг опубликовал в Аргентине, где, в частности, в 1972 г. издал книгу своих воспоминаний «По следам конквистадоров» [5], в основу которой легла серия его очерков 1930-х гг. «Парагвайская надежда», публиковавшихся по горячим следам в газете «Русский в Аргентине». В книге обнаруживаются свидетельства о Чакской войне, изложенные в более художественной стилистике (автор был писателем) по сравнению с воспоминаниями И.Т. Беляева. М.Д. Каратеев прибыл в Парагвай примерно за год до окончания Чакской войны, о чем вспоминает: «Все мы ехали почти вслепую: знали только,

что колонизацию возглавляет русский генерал Иван Тимофеевич Беляев, уже давно устроившийся в Парагвае, где он тоже получил генеральский чин» [5, с. 10]. Как историк М.Д. Каратеев предпринимал попытки составления перечня русских участников Чакской войны, до сих пор используемые исследователями: «Мне удалось собрать 86 фамилий, но, думаю, что это не все. Среди них двое или трое были начальниками крупных штабов, один командовал дивизией, двенадцать – полками, а остальные – батальонами, ротами и батареями. Семеро на этой войне были убиты, многие ранены, некоторые прославились своими подвигами» [5, с. 40]. Интересно привести одно из личных впечатлений М.Д. Каратеева: «Вскоре после окончания войны я увидел в асунсионском военном музее оригинальное “свидетельство”: надпись, сделанную химическим карандашом на доске, которую оставили в своем окопе отступившие боливийцы. В переводе она гласила: “Если бы не проклятые русские офицеры, мы бы ваше босоное войско давно загнали за реку Парагвай”» [5, с. 40].

М.Д. Каратеев вспоминает и о личном вкладе в освоение Чако генерала И.Т. Беляева со слов последнего: «По поручению правительства я совершил в Чако ряд экспедиций и обследовал все, до самых неприступных мест включительно. Сколько раз я там погибал от жажды, сколь раз терял своих спутников, но задачу все же выполнил: исследовал и описал страну, а главное, составил карты, по которым теперь и ведется война. Без них парагвайской армии пришлось бы действовать вслепую и на победу не было бы никакой надежды. Когда я возвратился в Асунсион, меня встретили как национального героя, забрасывали цветами, носили на руках! Мои экспедиции и подвиги некоторых наших офицеров на фронте подняли здесь русское имя на недостижимую высоту» [5, с. 40–41]. Однако личные впечатления М.Д. Каратеева расходятся с приводимыми на страницах его книги повествованиями от лица И.Т. Беляева. Он отмечает, будто бы И.Т. Беляев преувеличивал свою роль и опасности, пережитые им при освоении Чако, а время, отведенное на цели экспедиций, использовал не столько на картографирование, сколько на изучение этнографии и языков местного населения, что составляло круг его собственных увлечений [5, с. 41–42].

Личная оценка свидетеля может оставаться какой угодно в зависимости от, возможно, неизвестных историку обстоятельств. Однако перу мемуариста нельзя отказать в справедливом резюме вовлеченности И.Т. Беляева в дело освобождения местного населения: «Какими чувствами платили ему индейцы, наглядно показало дальнейшее: когда Беляев умер, горевало и оплакивало его все племя. Вожди <...> явились в Асунсион и выпросили его останки, которые с величайшими почестями перевезли к себе. Позже некоторые русские видели его могилу в Чако, она охраняется как святыня и служит предметом поклонения и паломничества. <...>. Рассказы о нем, обращаясь в легенды, будут передаваться из поколения в поколение и может быть настанет такой день, когда в Чако ему воздвигнут памятник как индейскому национальному герою» [5, с. 45].

Попутно отмечая, что повсюду ощутимо военное положение [6, с. 19], мемориалы русским героям Чако упоминает в очерке «Буэнос-Айрес – Асунсион» и посетивший Парагвай в 1935 г. сотрудник газеты «Русский в Аргентине» **Игорь Г. Киселевский**: «Русским людям, приезжающим в Асунсион, приятно посетить дом нашего горного инженера профессора Конради и увидеть там своего рода памятник павшему русскому герою в Парагвайской войне: здесь жил и сюда приезжал в отпуск с войны майор Салазкин, и Г. Конради и его жена бережно сохраняют его комнату с его кроватью, со всей обстановкой и развешенными по стенам оружием и трофеями из Чако» [6, с. 12].

Редактор газеты «Русский в Аргентине» **Георгий Митрофанович Киселевский** в «Парагвайских впечатлениях» уделяет место проблеме приема русских эмигрантов в парагвайскую армию на фоне Чакского конфликта: «В начале войны русские добровольно отправились сражаться в ряды армии. Всем известны жертвы, принесенные ими. Оценили парагвайцы это достойным образом. Из всех стран нашего рассеяния потянулись тогда наши воины помогать им против боливийцев. Но при всей высокой оценке нашего офицера, – парагвайцы должны были отказаться от приема в армию русских: протестуя против включения в боливийскую армию немцев, чилийцев и чехословаков, естественно, что при каждом таком протесте упрекали в том, что сами парагвайцы имеют в своей армии русских. При этом очень плохую службу сослужило <...> провокационное помещение кем-то в заграничной печати о том, что будто бы главнокомандующим парагвайской армией состоит русский генерал. В то время как боливийской армией командовал германский генерал, для парагвайцев такие сообщения били по самолюбию, тем более что за границей парагвайский народ рисовался как не имеющий своих собственных вождей. Все это вместе взятое препятствует поступлению ныне русских в парагвайскую армию» [6, с. 23–24].

Владимир Конкордович Абданк-Коссовский – русский эмигрант во Францию, полковник инженерных войск, писатель, журналист, историк и коллекционер – не имел непосредственной связи с парагвайским крылом русской эмиграции, но касался этой темы в своих очерках в контексте деятельности по сбору и публикации материалов о жизни русской эмиграции. Его статья «Российские офицеры в изгнании» [7] опубликована на страницах «Военно-исторического журнала». Материал, подготовленный к публикации проф., д. социол. н. Игорем Владимировичем Образцовым, не сопровождается указаниями на время написания статьи и на источник текста. Сама статья, предваряемая общими сведениями о расселении эмигрировавшего русского военного сословия за границей, рассматривает его роль в политической жизни ряда стран: Албании, Китая, Колумбии, Парагвая, Испании. По свидетельству автора, «только в Парагвае русские изгнанники могли принять участие в жизни страны сообразно своим знаниям и способностям. Для характеристики <...> репутации, которой пользовался русский эмигрант в Парагвае, достаточно привести слова местного государственного деятеля доктора Берденаве: “Я был бы счастлив, если бы на земле существовала страна, где имя парагвайца было

бы столь же блестящей рекомендацией, как русское имя у нас”. Русские глубоко привязались к этой маленькой и бедной стране и жертвенно доказали ей свою симпатию в войне 1933–1935 гг. между Парагваем и Боливией. Наши эмигранты почти поголовно в той или иной форме приняли участие в ней, потеряв свыше 50 проц. человек убитыми и ранеными» [7, с. 93]. По словам историка, на командные должности в Парагвае было принято большинство русских офицеров.

В.К. Абданк-Коссовский оговаривает и условия, в которых велась Чакская война, а также изначальное неравенство принимавших в ней участие сторон: «Война в джунглях, в ужасных климатических условиях, [сопровождаясь] эпидемиями малярии и дизентерии, унесла большое количество жизней с обеих сторон. Парагвай, с [его] бедной культурой, без всякой промышленности, должен был вести неравную борьбу с Боливией, которой помогали Северо-Американские Соединенные Штаты. Почти все мужчины-парагвайцы ушли на фронт, в городах и деревнях остались только женщины» [7, с. 93].

Чрезвычайно любопытной деталью представляется и сообщение В.К. Абданк-Коссовского о том, как косвенную роль в переходе военных действий в активную фазу сыграла непосредственно фигура генерала И.Т. Беляева. Производя в 1926 г. военную разведку на болотах Эстеро Патиньо, тот обнаружил скрытый в лесу боливийский форт Сарпреза. И.Т. Беляеву удалось вернуться, но в расставленную для него возле форта ловушку попал офицер парагвайской службы. Эта смерть положила начало активным стычкам между Парагваем и Боливией, вскоре переросшим в полномасштабную войну» [7, с. 93].

Оценку итогов Чакского конфликта его участниками и свидетелями отображает книга южноамериканских очерков путешественника и журналиста **Константина Константиновича Парчевского** «В Парагвай и Аргентину» [8], изданная в Париже около 1936 г. Автор уделяет место описаниям надежд переезжающих в Парагвай русских эмигрантов на новое пристанище, подробной обрисовке его столицы, климата, флоры и фауны, приводит исторический очерк страны и свидетельства о русских эмигрантах в Парагвае. Судя по всему, сам К.К. Парчевский появился там не ранее 1935 г., так как пишет с позиции свидетеля завершившегося Чакского конфликта: «Война окончена победоносно (хотя территориальные приобретения Парагвая в Чако и не столь великолепны, а пезо продолжает держаться на прежнем военном уровне. <...>. Оптимисты утверждают, что за победой последует культурный и экономический расцвет страны, пессимисты же полагают, что никаких оснований ожидать этого расцвета в стране без капитала, без инициативы и с крайне ничтожным и отсталым населением нет» [8, с. 90–91]. В контексте Чакской войны К.К. Парчевский пишет и о генерале И.Т. Беляеве, с которым встречался в Асунсьоне лично и которому посвятил целую главу своей книги. Путешественник отмечает, что генерал, который самолично «открыл богатства неисследованной пустыни Чако, став во главе войск, <...> победил боливийцев и разработал какие-то грандиозные проекты русской колонизации Парагвая» [8,

с. 102] – личность мифологизированная. Оценочный настрой заезжего журналиста изначально скептический: по его мнению, «армией [И.Т. Беляев – Н.Н.] не командовал, хотя на войне был и работу по обследованию Чако, действительно, вел» [8, с. 103].

Со слов белоэмигранта Николая Францевича Эрна (1879–1972) – российского и парагвайского военного деятеля, генерал-майора Парагвайской армии, конкурента И.Т. Беляева – К.К. Парчевский передает сведения о предпочтении, оказываемом парагвайским правительством русским военнослужащим: «Русские, как показала война, представляют собою отличный боевой элемент. Они проявили вызвавшую уважение парагвайцев храбрость, и шесть убитых русских офицеров сыграли для русского престижа большую роль. Президент сам говорит, что он делает ставку на русскую эмиграцию, которая должна дать стране необходимые ей культурные и боевые силы» [8, с. 118]. Как видно, эти сведения расходятся с цитированными ранее наблюдениями Георгия Митрофановича Киселевского о сложностях с набором в парагвайскую армию русского контингента.

Разделяя оценки результатов Чацкого конфликта его участниками и свидетелями из русских эмигрантских кругов на оптимистичные и пессимистичные, в качестве примера мнений оптимистов К.К. Парчевский приводит соображения бывшего губернатора Екатеринослава Сергея Сергеевича Щетинина, в Парагвае уполномоченного одного из учреждений по вопросам русской эмиграции: «После победоносной войны <...> Парагвай встряхнется и расцветет. Посмотрите, как блестяще проходит демобилизация. Какой порядок и самодисциплина! В населении произошел сдвиг. Все жаждут работать на благо своей страны. Строительство идет полным ходом. Перед промышленностью открываются широкие горизонты, торговля развивается. Но правительство ставит важнейшей своей задачей привлечение в страну подлинных земледельцев и преимущество в этом отношении отдает русским, которые прекрасно зарекомендовали себя во время войны. Пять погибших на фронте русских офицеров это наш капитал здесь, на котором строилась русская репутация и переселенческое дело» [8, с. 124].

Опрошенный К.К. Парчевским крупный собственник, инженер Георгий Леонидович Шмагайлов (1886 – после 1937), переехавший в Парагвай из сербской эмиграции и не участвовавший в делах колонизации, дает более сдержанную оценку послевоенных перспектив: «Теперь началась демобилизация. Парагвайцам самим нечего делать. Что же будут делать русские?» [Парчевский, с. 141]. На обратном пути из Южной Америки в Париж другой русский попутчик К.К. Парчевского также замечает: «В Парагвае немало людей торговало во время войны своей кровью. При случае найдутся желающие торговать и чужою и не в одном Парагвае. Русские мясо и кровь, даже при общем падении цен, ведь самый дешевый в мире товар. <...> когда русский офицер с гордостью в русской же среде говорит: “Наша парагвайская армия победила за правое дело”, мне противно точно так же, как и от слов другого русского офицера “о нашей доблестной боливийской армии”. <...>. Говорят, русские офицеры отлично воевали с Боливией. <...>. Потом их

выгнали со службы, кроме нескольких генералов, которых еще кое-как держат. Многие теперь откровенно стремятся пристроиться иначе или в другие армии, а оставшиеся продолжают рассуждения “о любви к отечеству и прагвайской гордости”» [8, с. 287–289].

По словам К.К. Парчевского, «парагвайской мечте» большинства русских эмигрантов не суждено было осуществиться, невзирая на неоспоримый вклад русских военнослужащих в благоприятный для Парагвая исход Чакской войны: «За несколько [послевоенных – Н.Н.] месяцев <...> положение в Парагвае <...> изменилось к худшему <...>. Парагвайское пезо упало <...>, и это усилило недовольство в стране и неприязнь к живущим на иностранную валюту иностранцам. Появились случаи самоубийства русских переселенцев. <...> Передают о быстро меняющемся отношении парагвайцев к русским, в которых туземцы увидели, наконец, то, что они в действительности и представляют, т. е. несчастных незащитных людей, недостойных того, чтобы с ними считаться, как это приходится со знатными иностранцами» [Парчевский, с. 291].

Как можно наблюдать, свидетелями Чакского кризиса, его последствий и перспектив для Парагвая и той части его населения, которую составляла русская эмиграция, выступали преимущественно военнослужащие либо журналисты. На свидетельствах этих групп лиц основывается настоящая работа. Ни одна из выявленных групп не отказывает русским эмигрантам в заслугах участия и непосредственного влияния на благополучный для Парагвая исход Чакской войны, однако точка зрения на необходимость этого участия и дальнейшую выгоду от него для русской диаспоры в Парагвае резко разделяется на позитивную и скептическую. Характер того или иного суждения при этом не зависит от принадлежности выражающего его лица к той или иной группе свидетелей. Решающую роль играет лишь факт, что свои заключения авторы впоследствии приводят в качестве доводов за или против дальнейшего переселения в Парагвай для новых волн русских эмигрантов.

Источники

1. *Гончаров В.* Война Чако. С. 503–516 / *Шталь А.В.* Малые войны 1920–1930-х годов / А.В. Шталь; Сост., предисл. В. Доценко; Прил. В. Гончарова. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – 544 с. – (Военно-историческая библиотека).

2. *Кораблева Л.Ю.* Чакская мирная конференция (1935–1938). Окончание войны между Боливией и Парагваем. С. 34–51 // *Латиноамериканский исторический альманах* / Редкол.: А.А. Щелчков (отв. ред.), Е.А. Ларин, И.И. Янчук и др. – М. : ИВИ РАН, 2005. № 6. – 184 с.

3. *Царьков О.Е.* Чакская война 1928–1938: Неизвестная локальная война. – Литрес Самиздат, 2018. – Т. 1. – 312 с.

4. *Беляев И.Т.* Записки русского изгнанника. – СПб. : ИП «Базунов» ; ИП «Голубев», 2010. – 399 с. // [сайт]. URL:

https://royallib.com/book/belyaev_ivan/_zapiski_russkogo_izgnannika.html (дата обращения: 27.03.2024).

5. *Карачевский-Каратеев М.Д.* По следам конквистадоров = Por la Huella de los Conquistadores: История группы русских колонистов в тропических лесах Парагвая / М. Каратеев; Обл. К.Н. Гедда. – Буэнос-Айрес : Изд. авт., 1972. – 248 с.

6. Буэнос-Айрес – Асунсион. – [Буэнос-Айрес] : Русский в Аргентине, 1935. – 64 с.

7. *Абданк-Коссовский В.К.* Российские офицеры в изгнании / Публ. подгот. подполковник И.В. Образцов, канд. социол. н. С. 90–96 // Военно-исторический журнал / Гл. ред. В.М. Минаев. – М. : Красная звезда, 1996. № 2. – 96 с.

8. *Парчевский К.К.* В Парагвай и Аргентину. – Париж, [1936]. – 304 с.